

Эта история произошла со мной, когда мне только исполнилось 20 лет. Мы с родителями жили тогда в одном маленьком городке. Знаете в таком, где в принципе все друг друга помнят в лицо и всё такое. Отец работал в магазине автозапчастей, точнее был его владельцем и поэтому наш достаток позволял нам иметь неплохой двух этажный домик. Второй этаж был совсем крохотным: в нём располагались две комнаты. В одной жил я, а в другой — человек, благодаря которому и родилась эта история — моя сестра.

На тот момент, когда мне исполнилось 20 лет, ей было только 19. К тому времени я уже успел закончить колледж и получить специализацию по автомеханике. И работал я, как вы могли догадаться, у отца в магазине. Дженни — так звали мою сестру — доучивалась последний год в том же колледже, но только не на автомеханика, а на компьютерного дизайнера или что-то в этом роде. Она всегда была, как говорят: «заучкой» и «зубрилой». И вообще девушка она была достаточно тихая и на первый взгляд — даже скромная. Когда мы были ещё детьми, как типичные брат с сестрой ненавидели друг друга и постоянно ругались по поводу и без. Но прошли года, мы повзрослели и все эти глупости ушли сами собой. И теперь у нас были самые обычные теплые дружеские отношения. Я никогда не задумывался о ней в серьёз как о девушке. У меня была однажды девушка, отношения были очень даже сильными. Но они закончились. И не было пока на горизонте подходящей для меня кандидатуры. А сестра моя была столь скромной, что у неё не то чтобы не было никогда парня, но казалось, что таковой и не появится вовсе. Да это и не заботило меня особо. Но однажды я вдруг обратил внимание на то, что с моей сестрой за последние несколько лет произошли существенные изменения. Я вдруг понял, что моя сестра к своим 19-ти годам стала очень даже симпатичной девушкой: появилась красивая утончённая фигурка, и личико приобрело весьма нежные даже детские черты. Теперь всё чаще за ужином или завтраком, когда вся семья была в сборе и сестра сидела прямо напротив меня, мой взгляд бегал по её открытой шее и осторожно спускался ниже и пытался пробраться под одежду.

Меня начали интересовать такие мелочи, как то, какое нижнее бельё одела она сегодня и в чем ляжет спать, и прочее в этом роде — понимаю, выглядит это всё очень пошло, и это не считая того, что она — это моя сестра, но меня всё равно интересовало всё это. Я начал испытывать чувство страшной жажды физической близости. Поначалу это меня даже пугало, я всё время пытался напомнить себе, что это всё-таки моя сестра и, кажется, мне это даже удавалось. Но вскоре такие выходки моего разума спровоцировали повышение уровня нашего общения. Я стал ещё более приветливым с ней, и Дженни отвечала мне тем же. Всё чаще вечерами перед самым сном мы засиживались друг у друга в комнатах и разговаривали. Мне всё это нравилось, очень нравилось и, через некоторое время я понял, что испытываю к ней не просто братские чувства, а самые сильные симпатии, да к чему тут лукавить, чёрт побери, я понял, что люблю её, люблю свою сестру Дженни. И мне всё больше казалось, что и у неё есть какие-то чувства ко мне. Однажды я допоздна засиделся в её комнате. Мы разговаривали о будущем, мечтали о приключениях, совсем как дети. Родители уже легли, в доме было тихо и темно, так что даже мы разговаривали шепотом.

Было уже очень поздно, когда Дженни сказала, что хочет спать. И она так нежно поцеловала меня в щёку, что чувства родства и семейных уз просто исчезли, растворились, словно их и не

было никогда. И не дав ей далеко от меня отодвинуться, я резко, но как это было возможно нежно, поцеловал её в губы.

Не знаю, о чём я думал тогда, но в следующую секунду после поцелуя столь сильный страх овладел мною, что я боялся даже пошевеливаться. За одно мгновение в моей голове пролетели все возможные варианты: я думал, что она сейчас же оттолкнёт меня, может, закричит, ударит или вообще проклянет. Но случилось всё по-другому.

Вместо каких-то резких действий, Дженни медленно отклонилась от меня. Глаза её были широко раскрыты, на лице появились удивление и растерянность. И прежде чем я хотел начать что-то объяснить или извиняться — я даже открыл уже рот — она приложила свою ладонь к моим губам, не дав произнести ни звука. С минуту мы смотрели друг на друга, после чего Дженн убрала свою руку и крепко прижалась к моим губам. Я ответил ей, и мы на всю ночь слились в череде поцелуев. В ту ночь не произошло ничего более серьёзного, но именно эта ночь стала началом всего того, что произошло с нами. Теперь мы каждый вечер закрывались в комнате — то в моей, то в её — и вновь сливались в поцелуях. А на утро, как ни в чём не бывало, мы снова становились братом и сестрой и лишь редкие переглядки могли выдать нас. Спустя неделю или две после начала нами тайных вечерних встреч произошло нечто, что навсегда предопределило ход событий. Мы, как теперь всегда, лежали вместе на кровати у Дженни в комнате. Она нежно поцеловала меня и, склонившись к самому уху, прошептала: «Я люблю тебя, давай сделаем это». В эту ночь всё и произошло: мы достигли высочайшего уровня физической близости.

Теперь мы очень часто проводили подобные ночи. И всё сильнее понимали, что любим друг друга. Однажды мы решили поговорить и обсудить всё происходящее.

— Послушай — начала она — ты понимаешь, что всё это как-то не правильно?

— Мне всё равно — искренне ответил я.

Серьёзность на её лице несколько спала, и я увидел по её глазам, что и ей тоже было всё равно. В принципе, на том разговор и закончился. И всё было хорошо, не считая некоторых, казалось бы, не значительных заморочек, которые время от времени возникали в голове моей сестрицы. Но наступала ночь, и я ловкими движениями тела выбивал все ненужное из её головы.

Год подходил к завершению.

Заморочки, которые поначалу казались не существенными, постепенно превратились в настоящие проблемы. Мы уже точно определились в серьёзности своих чувств, и это создавало некоторые трудности. Мы прекрасно понимали, что вечно скрываться мы не сможем, да если честно, то и не хотели. Мы мечтали о том, как будем жить вместе, не скрываясь от правды в пелене тайн. В какой-то момент любовь настолько затуманила нам сознание, и в нас исчезло чувство реальности, что мы решили рассказать всем правду о нас. И начать мы думали с родителей — самых близких нам людей. Было страшно — не скрою, но последствия оказались куда страшнее.

Одним воскресным утром, когда вся семья была за завтраком, я начал этот разговор.

— Мама, папа; мы хотели вам кое-что рассказать; — приступил я. На удивление весь рассказ вышел легко, на одном дыхании. Родители были в шоке — мы с Дженни поняли это по тому, как ещё около трех минут они, не шевелясь, молча, смотрели на меня.

Первой не выдержала мама.

— Что ты сейчас сказал?! — она быстро переводила взгляд то на меня, то на Дженни — Нет, ты же не хочешь сказать

— Ты, верно, шутишь, сын? — громким басом перебил её отец.

— Нет, нет; что же это такое, как же так; — мама схватилась за голову и начала метаться по комнате — что теперь люди скажут?

— Советую вам обоим сейчас же забыть об этих играх! — продолжал отец.

— Но; это не игры — не поднимая взгляда, сказала Дженни.

— Да, мы любим друг друга и хотим быть вместе! — поддержал я.

После этого родители просто взорвались. Отец больше ничего не желал слушать. Мама всё также металась по дому и причитала, кричала и даже плакала. За следующие три дня пересмотрев целую гору записных книжек и тетрадей, она нашла давно забытый номер — как она говорила — лучшего психотерапевта и вроде даже договорилась о встрече. К нашему счастью психотерапевт этот был очень занятым человеком, и ближайший свободный день был лишь через пару месяцев. Всё это оказало очень сильный удар для нас с Дженни. На некоторое время мы даже прекратили свои отношения. Ходили молча. Грустные. Пустые. Но в скорее чувства всё равно взяли вверх и наши встречи возобновились.

Только теперь мы были вынуждены встречаться днём где-нибудь вдали от дома, потому что родители следили за нами и проверяли ночами наши комнаты. Так мы мучились ещё около месяца, пока Дженни не сдала последний выпускной экзамен и, наконец-то получила диплом. И вот мы шли по маленькой старой улочке на другом конце города. Погода была пасмурной. Нет. Солнце светило, но время от времени моросил дождик и дул прохладный ветер.

— И что нам теперь делать? — шаркая ногами по мокрому асфальту, спросила Дженни.

— Я не знаю — хотел было ответить я, но, вдруг, решение само пришло мне в голову: Мы убежим!

И я принялся расписывать Дженни только что созревший во мне план нашего грандиозного побега. То, как мы переедем в другой город и начнём жить вместе. Поначалу эта идея вызывало некоторое недоверие как у Дженни, так даже и у меня, но потом, взвесив всё и обсудив, мы пришли к выводу, что другого выхода у нас просто нет.

И так мы решили убежать. От всего. От всех. Эта затея очень оживила и воодушевила нас обоих. К нам снова вернулось настроение. Мы вернулись домой навеселе, и нам пришлось силой воли давить в себе улыбку, чтобы не дать повода для подозрений. Побег был намечен на ночь с субботы на воскресенье. Не знаю, почему мы так решили. Дождавшись когда родители улеглись, и в доме воцарился покой, мы приступили к исполнению намеченного. Взяв рюкзаки с вещами, мы тихо вышли из дома и направились к единственному в городе автовокзалу. Мы сели на самый ранний автобус. Ехать надо было долго (около четырёх часов до соседнего города), поэтому усевшись на свои места, мы уснули на плече друг у друга.

Дженни спала почти всю дорогу и проснулась лишь тогда, когда автобус уже подъезжал на конечную остановку нашего следования. Мы сошли с автобуса как раз, когда первые лучи поползли по дорогам. Всё было замечательно. Мы стояли на пороге новой жизни. Адреналин зашкаливал в крови. В этот день мы первым делом наши себе квартиру: у одной пожилой доброй бабушки за сущие копейки. После мы пошли гулять по ближайшим улицам. Конечно, было грустно, что пришлось бросить всё. Но другого пути у нас не было. Мы оставили родителям прощальное письмо, в котором попросили прощение и всё в этом роде.

Следующим нашим шагом было то, что мы устроились на работу. После этого всё быстро нормализовалось. Появилась возможность жить. Всем мы представлялись не как брат и сестра, а как молодая неженатая пара. И всё было хорошо. Мы любили друг друга всё сильнее с каждым днём, с каждой ночью. У нас начали появляться знакомые и друзья. Но чем глубже мы погружались во всё это, тем острее казались всплывающие порою проблемы. Всё чаще стали подниматься вопросы о будущем.

— Что мы будем делать дальше?

— Жить, Дженн, жить…

— Как? Я слышала, что близким родственникам вообще нельзя иметь детей! И жить всю жизнь во лжи?!

И всё в этом роде. Конечно, и я понимал всё это, но старался не брать во внимание.

Как бы мы не пытались справиться с этим, оно всё равно наваливалось на нас. И чаще всего не выдерживала Дженни. Она итак с детства было очень ранима, а здесь такое.

Это случилось в такой же солнечно-пасмурный день, как когда мы задумали сбежать.

Был выходной день. Ещё вчерашним вечером всё было нормально. Но утро началось с криков. Мы так ругались, что в доме летала даже посуда. Всё. Это был предел. Верх всего этого ужаса, который накапливался всё это время в нас и вот наконец-то выплеснулся наружу.

Под конец нашего разговора, Дженни якобы пришла к выводу, что во всём виновата она, всё-таки она, а не я или мы, как это бывало прежде. Потом выводы снова поменялись и… я не смог больше слушать этого, вышел из дома, хлопнув дверью. Если бы я знал, что видел Дженни живой тогда в последний раз. Час или два я блуждал по улицам города, пока не набрёл на какую-то клинику доктора Дикинсона. В приёмной меня сразу направили в кабинет. Это был мужчина средних лет. В строгом костюме и старого образца округлых очках.

— Что вас беспокоит? — начал он.

За следующие тридцать минут я рассказал ему всю свою историю до сегодняшнего дня. Не знаю, может, мне просто нужно было выговориться, но мне сразу немного полегчало.

Поначалу доктор смотрел на меня с недоверием или даже с неким презрением — это читалось по его лицу и, особенно — в его глазах.

— Вы осуждаете меня, доктор?

— Скажем так, вы понимаете, что всё это никогда не сможет вписаться в рамки современного общества?

Конечно, я это понимал. Пришёл бы я к нему тогда?

— Доктор, можно задать вопрос? Любовь. Любовь ведь вписывается в рамки?

— Но мы говорим о разных с вами понятиях.

— Нет, доктор. Как любовь может быть разной? Насколько я знаю, любовь — одна. И в нашем случае тоже.

Теперь выражение лица у доктора изменилось — он напоминал человека, увлечённо читающего приключенческий роман.

— И мы имеем право… заслуживаем жить также как и все!

Я уже встал и направился к выходу, когда доктор остановил меня.

— Я думаю, вы должны сейчас вернуться к своей… — видимо он не знал, как лучше назвать её — … вернуться. Вы должны определить для себя — что это — любовь или страсть! Если это действительно любовь — вы справитесь со всеми трудностями, ведь для любви нет границ.

И я ушёл. Оставив доктора в размышлениях.

Я шёл домой, да, действительно, доктор был прав, нужно было во всём разобраться. Был уже разгар дня, даже скорее уже его убыль. Я поднялся по лестнице. Открыл дверь. Прошёл в комнату и замер. Дженни лежала на полу в луже собственной крови. Рядом лежал нож. Она лежала в такой позе, словно решила прилечь поспать. Лишь только рука выступала в сторону, оголяя вскрытые вены. Я медленно подошёл к ней. Слёзы сами потекли из моих глаз. Не произнося ни звука, я упал на колени подле неё. В её руке я увидел скомканный листок бумаги. «Прости меня мой милый, но мы никуда не сможем деться от этого. Я нашла выход — не будет меня — не будет проблем. Извини» — прочитав это, я окончательно рухнул рядом с сестрой.

— Что ты наделала?! Зачем?! — шептал я вновь и вновь.

Но Дженни уже не отвечала, она больше не могла произнести ни слова. Она оставила меня. Не знаю, откуда взялись во мне силы подняться и выйти на улицу. Я стоял посреди дороги, подняв голову к небу, и внимал падающим с неба каплям дождя. Моя душа разрывалась. Всё. Это был конец. Я не мог пошевелинуться. Хотелось вот также вместе с этим дождём лететь с высоты и разбиться с силой об асфальт. В тот день всё и закончилось. Проблемы ушли. Закончилась жизнь — ушли проблемы.

Эпилог

С тех пор прошло много времени. Но люди всё так же влюблялись, женились и разводились. Не могу сказать, как сложилась жизнь у всех, с кем мне доводилось встретиться, но знаю, что доктор Дикинсон всерьёз занялся вопросами нетрадиционных взаимоотношений и даже получил какие-то награды за свой доклад. Родители больше не вспоминали нас, по крайней мере, я ни разу больше не слышал о них. Ну а что касается меня, я затерялся где-то в мире в поисках самого себя. Один, без друзей, без семьи, без будущего.

Рассказ «История без будущего» является абсолютно вымышленным литературным произведением. Однако, описанные события (так или иначе) очень часто встречаются в реальном мире. Кто-то считает это девиацией. Может быть, это так и есть. С другой стороны, искренняя чистая любовь — есть самое светлое и высшее во Вселенной. И, возможно, если она зародилась, она имеет право на жизнь.

Присылайте ваши отзывы, предложения и пожелания.

Возможно, в каких-то моментах рассказ покажется сыроватым. Соглашусь, здесь есть над чем поработать еще.